

Галиева Марианна Андреевна

"РУСЛАН И ЛЮДМИЛА" А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. ПУТЯМИ ЛЮДМИЛЫ: ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Данная статья представляет собой продолжение фольклористического комментария к известной поэме-сказке А. С. Пушкина "Руслан и Людмила", в которой поднимается проблема латентного существования фольклорной традиции в поэтике. Вторая песнь интересна тем, что она ведет читателя "по следам" Людмилы, то есть позволяет проследить за инициатическим путем героини. С точки зрения фольклорной логики, Людмила представляет собой вещь невесту, которую должен добыть себе Руслан. Чертоги Черномора являются "иным царством", миром мертвых, посещение которого необходимо для Людмилы как культурной героини.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:801.6; 398:801.6

Филологические науки

Данная статья представляет собой продолжение фольклористического комментария к известной поэме-сказке А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в которой поднимается проблема латентного существования фольклорной традиции в поэтике. Вторая песнь интересна тем, что она ведет читателя «по следам» Людмилы, то есть позволяет проследить за инициатическим путем героини. С точки зрения фольклорной логики, Людмила представляет собой вещь невесту, которую должен добыть себе Руслан. Чертоги Черномора являются «иным царством», миром мертвых, посещение которого необходимо для Людмилы как культурной героини.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; поэтика; Пушкин; мотив «космического одевания»; травестия; Мировая ось.

Галиева Марианна Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
marianna.galieva@yandex.ru

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. ПУТЯМИ ЛЮДМИЛЫ: ПЕСНЬ ВТОРАЯ[©]

Вторая песнь «Руслана и Людмилы» ведет читателя в чертоги Черномора – *по следам Людмилы*. Таким образом, мы можем вместе с главной героиней проделать весь *иномирный путь*, в который она намеренно отправлена Пушкиным. Напомним, что через уста старого Финна (песнь первая) прямо сказано об изначальной заданности сюжета:

Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною [6, т. 4, с. 14].

Кроме того, и во второй песне появляется намек на «даль свободного романа»:

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной [Там же, с. 26]...

Интересно то, что путь Людмилы во второй песне, вернее его определение, начинается со слов старой Наины, адресованных Фарлафу:

«Поверь! – старуха продолжала,
– Людмилу мудрено сыскать;
Она *далеко убежала*;
Не нам с тобой ее достать [Там же, с. 24].

Колдунья дает тем самым важное определение пути Людмилы – «далеко убежала», ее не достать, потому что она, по существу, находится *за пределами данного* (на что мы уже указывали в комментарии к первой песне). Что же касается самих чертогов Черномора, его *полнощных гор*, то первое, что бросается в глаза, это пограничное состояние Людмилы:

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята – наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И *смутным ужасом* полна [Там же, с. 27].

И, конечно, можно было бы эту ситуацию объяснить совсем по-бытовому: волнением, ужасом Людмилы, но здесь снова встречается, во-первых, глагол «помертвела», что означает *обмерла*, как обмирал Финн при встрече старой Наины:

«Где ж милый, – шепчет, – где супруг?»
Зовет и *помертвела вдруг* [Там же].

Во-вторых, само состояние героини мало похоже на сон, более – на обмирание. Далее следует чудесное одевание Людмилы:

Лазурный, пышный сарафан

Одел Людмила стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман [Там же, с. 28].

Что же чудесного в ее наряде? Здесь семантически наполнен цвет – *лазурный*. Не просто цвет неба в данном случае, а указывающий на приобщенность героини к *миру горнему*. В этой же песне именно такой цвет появляется дважды, сопровождая Людмилу: платье и цвет небес.

Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в *лазурных небесах*
Плывет луна, царица ночи [Там же, с. 31].

Колоратив «лазурный» наводит на мысль о мотиве *чудесного одевания*, космического ряжения, известного по русским заговорам. Сам мотив характеризуется тем, что читающий заговор как бы опоясывает себя звездами, одевается облаками, солнцем, луной и т.д. Таким образом, человек приобщается к модели *Мировой оси* [7]. Конечно, Пушкиным воспроизведен этот сюжет в трансформированном виде, но и наивно было бы подводить поэта к «присяге на верность» фольклорному материалу. Однако уже в художественной практике поэтов XX в. такой *трагический мотив* значительно распространен и выражен более четко в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского, уже в ранний период их творчества [2]. Также стоит отметить, что Маяковский обращается именно к «Руслану и Людмиле» Пушкина в поэме «Пятый интернационал», к сюжету о Черноморе:

И я
на этом самом
на море
горой-головой плыву головастиль,
второй какой-то брат черноморий [4, с. 120].

Итак, Людмила укрыта «мировой полночью» черноморовых гор, где постигает знания другого порядка. Кроме того, само похищение осуществилось чудесным образом – через дым, туман. В мировом фольклоре найдем примеры достижения Мировой Оси, горного мира посредством дыма, тумана [9, р. 196]. Однако как определить точные координаты ее *сакральной географии*? Пушкин и здесь, с точки зрения ритуальной действительности, предельно точен:

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли [6, т. 4, с. 28-29].

Что нам это дает? Во-первых, Людмила находится среди «снежных равнин», во-вторых, Татьяна в «Евгении Онегине» во сне «печальной мглой окружена», идя по «снеговой поляне». Снег, ветер, холод – все это признаки «мертвой страны», иномирного пространства. Фольклористы, собирающие материалы по быличкам, обмираниям, приводят тексты, из которых видно, что обмирающий попадает в заснеженную страну, то есть на тот свет: «Тот человек подвел меня к порогу, я оглянулась на пороге и, как вышла в сенцы, так и загорелась вся, как загорается бумага. И поднялась вверх, а потом опустилась и *стала на снегу*» (полный текст обмирания представлен в монографии В. Я. Петрухина [5, с. 363]).

Таким образом, для *чего-то* Пушкин помещает своих любимых героинь в иномирное пространство. На этот вопрос также можно найти ответ, зная фольклорную логику, поэтику сказки. Иван-дурак или Иван-царевич, отправляясь в «иное царство» имеет за этим путешествием вполне конкретную цель – добыть себе *вещую невесту*, доказывая тем самым то, что он достоин сакральных знаний. Однако в художественном мире Пушкина все герои равны, все одинаково должны пройти испытания, заслужить для себя звание культурного героя, поэтому и Людмила, равно как и Руслан, проходит *инициатический путь*. Ритуальными маркерами в этом случае выступают не только заснеженное поле, но и серебряная дверь, символизирующая серебряное царство, известное в мировом фольклоре:

В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждет ее теперь!
Бежит в серебряную дверь [6, т. 4, с. 29].

И здесь поэтом дано самое точное местонахождение героини:

И наша дева очутилась
В саду. *Пленительный предел:*
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь *Тавриды* [Там же].

Пленительный предел синонимичен словам Наины – «далеко забежала». Предел, находящийся на краю небес, предел как граница между миром живых и миром предков. Кроме того, в этом фрагменте дано культурно точное сравнение пленительного предела с берегами Тавриды, которые появятся уже в архетипическом значении в известном послании к П. Я. Чаадаеву (предположительно от 1825 г.):

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымилась жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла [Там же, т. 2, с. 195].

В «Руслане и Людмиле» речь идет, конечно, не о князе Г. А. Потемкине, а, в первую очередь, о земле Таврии, на которой, по мифу, располагался храм Артемиды, где жрицей была Ифигения: «Ифигения, которая, как известно, была спасена с жертвенника в Авлиде Артемидой, окутана облаком и перенесена в Херсонес Таврический, *сразу стала там верховной жрицей*, и лишь ей одной позволялось прикасаться к священной статуе» [3, с. 586]. Молодой поэт как бы художественно выразил свои впечатления, полученные от увиденного «грозного храма» Дианы.

Третьим маркером ритуальной действительности, помимо указанных снега и серебряной двери, выступает само устройство сада:

Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены [6, т. 4, с. 29].

Мало того, что здесь соединяется нечто разрозненное (мирты, кедры, апельсины, пальмы), так почему-то все это странным образом отражено «зерцалом вод». В этом случае стоит поставить вопрос не просто о приеме зеркала, а об *инвертированной реальности*, мире наоборот. Мир живых и мир мертвых относятся друг к другу таким образом, что в последнем всегда все будет наизнанку по отношению к первому (см. [1]). Золотые апельсины и прочие чудесные предметы, стало быть, не отражены, а перевернуты – такова оптика Людмилы в запредельном пределе.

Самым интересным и ритуально значимым моментом в пребывании-полусне Людмилы является наличие «высокого мостика над потоком»:

Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах [6, т. 4, с. 30].

Именно к этому мостику нас будет отсылать в дальнейшем сон Татьяны, возвращая читателя в топик «Руслана и Людмилы»:

Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жордочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток:
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилась она [Там же, т. 5, с. 90].

Во-первых, мост как таковой в фольклоре является средством переправы (обычно в сакральное), во-вторых, здесь он явно выступает элементом *переходной погребальной обрядности*. Мост – испытание на пути героя, проверка его «на прочность». Мост – универсальный символ погребальной мифологии и мифологии инициаций [8, с. 189].

Сама Людмила про себя говорит:

О ты, чья гибельная страсть
 Меня терзает и лелеет,
 Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет [6, т. 4, с. 31]!

Так может заявить воин, например, тот же Руслан, находясь на поле брани, но здесь эти слова принадлежат неожиданно княжне. Что стоит за этим? Следуя ритуальной логике, можем прийти к выводу, на который, надо отметить, наталкивают и маркеры (снег, полнощные горы, серебряная дверь, структура сада, мостик): Людмила уже как бы умерла, вернее обмерла – по законам киевского топоса, то есть мира живых. Именно в этот момент героиня прозревает свою подлинную суть, она перерождается в культурного героя и здесь же получает чудесный предмет – колпак.

Шумят, толкаются, бегут,
 Хватают колдуна в охапку
 И вот распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку [Там же, с. 33].

Именно этим фрагментом заканчивается путь Людмилы во второй песне. Пушкин, оставляя Людмилу с волшебным колпаком, переключает точку зрения, обращая внимание читателя на путь Руслана. Таким образом, выстраивается соотношение мира живых и мира мертвых, иномира, куда устремлен Руслан, но, так или иначе, оба героя должны пройти испытания на верность самому себе. Неслучайно уже во второй песне Руслан решительно ищет неведомую землю:

Еще при мне мой верный меч,
 Еще глава не пала с плеч [Там же, с. 25].

Вторая песнь, по существу, посвящена *эйдологии иноого царства* и ее постижению Людмилой, которая перерождается посредством инициатического сна, находясь в ожидании Руслана, должного, по законам фольклорной логики, также достичь пленительного предела.

Список литературы

1. Антонов Д. И. Концовки волшебных сказок: путь героя и путь рассказчика [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/antonov1.htm> (дата обращения: 24.04.2015).
2. Галиева М. А. Фольклорная традиция в поэтике В. В. Маяковского и С. А. Есенина. Внутренний диалог: поэма «Инония» и стихотворение «Ко всему» // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2014. № 4. С. 43-50.
3. Грейвс Р. Ифигения в Тавриде // Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 585-591.
4. Маяковский В. В. Пятый интернационал // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. Т. 4.
5. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М.: АСТ; Астрель, 2010.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 2.; Т. 4.; Т. 5.
7. Топорков А. Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII-XVIII вв. // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 143-174.
8. Элиаде М. Мост и «трудный переход» // Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 187-191.
9. Riesenfeld A. The Megalithic Culture of Melanesia. Leyden: Brill Archive, 1950.

“RUSLAN AND LUDMILA” BY A. S. PUSHKIN: FOLKLORISTIC COMMENTARY. FOLLOWING THE WAYS OF LUDMILA: CANTO THE SECOND

Galieva Marianna Andreevna
 M. V. Lomonosov Moscow State University
 marianna.galieva@yandex.ru

The article presents the continuation of folkloristic commentary to the famous poem-tale by A. S. Pushkin “Ruslan and Ludmila”, in which the author raises a problem of the latent existence of folk tradition in poetics. The second canto is interesting because it leads the reader in the wake of Lyudmila, i.e. allows following the initiative way of the heroine. From the viewpoint of folk logic Ludmila is a prophetic bride, whom Ruslan should obtain. Chernomor’s Chambers are “the other kingdom”, the world of the dead that Ludmila as a cultural heroine should visit.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; Pushkin; motive of “cosmic dressing”; travesty; World Axis.